

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

З. В. УДАЛЬЦОВА

БОРЬБА ПАРТИЙ В ВИЗАНТИИ XV В. И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВИССАРИОНА НИКЕЙСКОГО

(Автореферат)

Падение Византии, могущественной и блестящей некогда империи, пережившей на 1000 лет Западно-Римскую империю, произвело огромное впечатление на современников и донныне продолжает привлекать внимание исследователей.

Однако во всей обширной литературе, посвященной этому вопросу, начиная с Гиббона (Gibbon)¹ и кончая новейшими исследователями Пирс (Pears),² Шлюмберже (Shlumberger)³ и др., вопрос о причинах падения Византии еще не нашел исчерпывающего разрешения. Почти всеми западноевропейскими буржуазными учеными на первый план выдвигаются внешнеполитические и военные причины гибели Византии; вопрос же о внутренних (экономических и социально-политических) причинах отодвигается на второй план, а большей частью совсем игнорируется. Однако русскому византиноведению, занявшему почетное место в области разработки социально-экономической истории Византии, принадлежат немалые заслуги и в вопросе исследования внутренних причин падения Византии (Ф. И. Успенский, А. Васильев и др.).

Созершенно очевидно, что проблема падения Византии может быть разрешена лишь путем изучения всего комплекса как внутренних, так и внешних причин. Среди них центральное место занимают причины внутренние: экономический упадок Византии, сложный

¹ E. Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman empire. London, 1907, 1914.

² E. Pears. The destruction of the Greek empire. London, 1903.

³ G. Shlumberger. Le Siège, la prise et le sac du Constantinople par les turcs en 1453. Paris, 1914.

переплет классовой и партийно-религиозной борьбы в Византии накануне ее падения и т. д.

Настоящая работа ставит своей задачей исследовать на основе марксистско-ленинской методологии именно проблему ожесточенной классовой борьбы, в частности выразившейся в борьбе различных так называемых религиозно-политических партий. Эта партийная борьба, расколовшая господствующий класс на враждующие фракции и подорвавшая единство византийского народа в момент смертельной опасности для государства, ослабила сопротивляемость Византии и облегчила турецкое завоевание. Все это заставляет считать партийно-религиозную борьбу бесспорно одной из важных причин падения Византии.

Хотя исследование партийной борьбы в Византии накануне турецкого завоевания и ставилось в буржуазной исторической науке, но велось чрезвычайно тенденциозно в зависимости от политических и конфессиональных взглядов того или иного автора. Можно наметить три основных направления в буржуазной историографии по этому вопросу: 1) течение среди западноевропейских ученых [Гиббон,¹ Лебо (Lebeau),² Мордтманн (Mordtmann),³ Шлюмберже,⁴ Пирс,⁵ Васт (Vast)⁶ и др.], симпатии которых были на стороне латинофилов и католицизма; 2) православное направление, враждебное Западу и католической церкви, — греческие, русские и другие ученые [Паспати (Πασπατή),⁷ А. Садов,⁸ Стасюлевич,⁹ Шеляговский,¹⁰ Иноевс,¹¹ А. Лебедев¹² и пр.]; 3) туркофильское направление, исторически оправдывающее турецкое завоевание [Гаммер (Hammer),¹³ Цинкейзен (Zinkeisen),¹⁴ Джелаль-Эссад¹⁵ и Ахмед-Муктар-паша¹⁶].

¹ E. Gibbon. Op. cit., t. VII.

² Lebeau. Histoire du Bas-Empire, t. XXI. Paris, 1836.

³ M. Mordtmann. Die Belagerung und Eroberung Constantinopels durch die Türken im Jahre 1453. Stuttgart, 1858.

⁴ Shlumberger. Op. cit.

⁵ E. Pears. Op. cit.

⁶ H. Vast. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878.

⁷ Πασπατή. Πολιορκία καὶ ῥωσικὴ τῆς Κωνσταντινουπόλεως. Αθήναι, 1890.

⁸ А. Садов. Виссарион Никейский. СПб., 1883.

⁹ М. М. Стасюлевич. Осада и взятие Византии турками в „Ученых записках“ Отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1854.

¹⁰ Р. Е. Шеляговский. Падение Константинополя. СПб., 1898.

¹¹ Х. К. Иноевс. Последние минуты падения Византийской империи в 1453 г. СПб., 1854.

¹² А. Лебедев. История греко-восточной церкви под властью турок. Сергиев посад, 1896.

¹³ J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches, t. I. Pest, 1827.

¹⁴ Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches, t. I. Hamburg, 1840; t. II. Gotha 1854.

¹⁵ Джелаль-Эссад. Константинополь. М., 1919.

¹⁶ Achmed-Muktar-Pacha. The conquest of the Constantinopol and the establishment of the Ottomans in Europa. 1902.

Существование этих течений имеет исторические корни. Дело в том, что источники по изучению партийной борьбы в Византии отражают борьбу трех враждующих лагерей в самой Византии — латинофильского (Дука, Виссарион, Исидор Русский и др.), национально-православного (Франдзи, Марк Евгеник, Георгий Схоларий и др.) и туркофильского (Критовул, Халкокондил, Амируцци и др.). Опираясь на разноречивость византийских источников, каждое из течений в позднейшей историографии черпало свою аргументацию из этих воинствующих документов партийной борьбы в Византии.

Борьба западнического, православного и туркофильского направлений в буржуазной историографии служит как бы своеобразным продолжением в новых условиях борьбы латинофильской, национально-православной и туркофильской партий в Византии.

Борьба первых двух партий имеет свою длительную историю. Она началась вскоре после разделения Восточной и Западной церквей (XI в.), но особенно усилилась в период заката Византийской империи — в эпоху Палеологов. В XIII в. весьма острые формы эта борьба приняла по вопросу о заключении Лионской унии (1274), в XIV в. — в столкновении варлаамитов и паламитов.

XV век был кульминационным моментом в борьбе партий в Византии. В этот период, когда страшная внешняя опасность нависла над империей, особенно обострилась борьба общественных групп внутри Византийского государства. В XV в. усилилось латинофильское течение, одержавшее крупную, хотя и недолговечную победу заключением Флорентийской унии. Национально-православная партия частично потеряла свое влияние.

Источники XV в. дают возможность определить политическую программу, социальный состав и наиболее выдающихся деятелей борющихся партий.

Партия латинофилов считала, что спасти Византийское государство от турецкого завоевания может только помощь латинского Запада; чтобы получить ее, необходимо пойти на религиозную унию с католической церковью. Ядро латинофильской партии состояло из придворной знати, высшего духовенства и интеллигенции. Последние императоры из дома Палеологов поддерживали это течение, а порою и возглавляли его. При дворе последних Палеологов было немало придворных, разделявших взгляды своих монархов и стоявших за унию. К числу таких царедворцев принадлежали Алексей Ласкарис Филантропин, потомок знаменитых правителей Никеи, выдающийся политический деятель XV в., великий стратопедарх Марк Иагрий, Иоанн Дисипат, родственник дома Палеологов, знатный вельможа Дмитрий Ангел — императорский секретарь, а также

Михаил Булет — посол императора Иоанна Палеолога к папе Евгению IV и деятельный помощник императора на Флорентийском соборе. Весьма симптоматичным является то, что в XV в. патриаршая кафедра Константинополя замещалась по преимуществу униатами, которые были послушным орудием византийских императоров, например, патриархи Евфимий (1410—1416) и Иосиф II (1416—1439). Этот последний, несмотря на некоторые колебания, поддерживал политику императора. Из высших духовных сановников к униатам принадлежали: Виссарион, архиепископ Никейский, вождь латинофильской партии, знаменитый политический деятель и выдающийся гуманист XV в.; Григорий, по прозвищу Мамма, — видный богослов латинофильского направления; Исидор Русский — главнейший деятель Флорентийского собора и активный организатор проведения унии как в Византии, так и на Руси, ставший после провала унии кардиналом Римской церкви; Дорофей Митиленский, Макарий Макр, Георгий Макромер, Мефодий Лакедемонский, Иоанн Плюсиадем (Иосиф Мефонский) и многие другие. В среде византийских ученых к числу западников в XV в. можно причислить знаменитого ритора и видного гуманиста Мануила Хрисолора, Виссариона Никейского, Феодора Газу, Георгия Трапезунтского, Иоанна Аргиропула, Дмитрия Халкокондила, Михаила Апостолия и многих других.

Причины латинофильства византийских императоров достаточно ясны и лежат почти исключительно в области политики (помощь Запада против внешней опасности). В основном эту идею поддерживали и разделяли все латинофилы; и к этому были особые причины, толкавшие определенные группы византийского общества в сторону сближения с Западом. Немаловажную роль в возникновении латинофильского течения сыграли крестовые походы и латинское завоевание, которые хотя и вызвали национальное движение со стороны византийского народа и усилили национальную и религиозную рознь между Западом и Византией, но, с другой стороны, способствовали сближению, главным образом, феодальной верхушки Византии с Западом: феодальная организация, законы и обычаи в их ярко выраженной форме, принесенные крестоносцами с Запада, не стояли в противоречии с достаточно уже развитыми византийскими феодальными отношениями, и византийские феодалы охотно и быстро воспринимали некоторые западные феодальные институты, доказательством чему служит быстрое распространение в Византии западной феодальной терминологии. Быт и нравы латинских рыцарей также оказали значительное влияние на византийскую знать.

Таким образом, для части византийской феодальной знати союз с западным феодализмом мог казаться менее опасным, чем турецкая угроза.

Для византийской интеллигенции, для людей науки, сближение с Западом имело свою почву; ведь между Византией и Западной Европой прочно установились тесные культурные связи, особенно проявившиеся в эпоху гуманистического движения как в Византии, так и на Западе.

Что касается части духовенства, поддерживавшего латинофилов, то она принадлежала, повидимому, к так называемой партии „политиков“ или умеренных, обычно противопоставляемых в церковной истории Византии партии крайних — „зилотов“. В противоположность „зилотам“, стоявшим за сильную и независимую от государства церковь, „политики“ искали в государстве поддержку для церкви. Они готовы были идти на значительные уступки государственной власти и всячески стремились к союзу с императорами, поддерживая их.

Партия „умеренных“ опиралась не на монахов, а главным образом на белое духовенство. Так, в вопросе об унии, как и в ряде других вопросов, она шла на уступки императорской власти и из политических соображений поддерживала византийский двор.

Латинофилы стали на ложный путь, возложив все надежды на помощь Запада и папского престола, который сам имел агрессивные планы против Византии и не хотел (да и не мог) спасти Византию. Объективно это был путь измены своей родине.

Греко-православная партия, в XV в. состоявшая из части высшего и среднего духовенства, а главным образом из монашества, выступала против сближения с Западом и против унии с католической церковью. Источники XV в. позволяют нам выяснить, какие церковные деятели того времени возглавляли национально-православное движение в Византии. Православная партия в XV в. имела в своих рядах немало выдающихся лиц, сыгравших важную роль в борьбе этой партии с латинофилами. Первое место среди них вначале бесспорно принадлежало крупнейшему деятелю национально-православного течения, византийскому богослову Марку Евгенику, митрополиту Эфесскому. Преемником Марка, ставшим после его смерти вождем православной партии, был видный богослов и церковный деятель Георгий Схолярый, известный впоследствии под именем Геннадия. Из других сторонников православной партии в Византии в XV в. можно назвать: Антония, архиепископа Гераклеяского; великого экклесиарха Сильвестра Сиропула (автора истории Флорентийского собора, написанной в строго ортодоксальном духе);

брата Марка Эфесского — Иоанна Евгеника и др. Деспот Дмитрий, брат императора Иоанна Палеолога, тоже был ярким приверженцем православия и не подписал Флорентийской унии. Главы восточных церквей — патриархи Филофей Александрийский, Дорофей Антиохийский и Иоаким Иерусалимский выступали сторонниками православия против Флорентийской унии.

Непримиримая позиция по отношению к латинству большей части византийского духовенства и монашества объясняется, помимо религиозной нетерпимости, также и чисто экономическими и политическими моментами: уния с Западом означала для византийского духовенства и монашества потерю части их церковных доходов и господствующего положения в церкви.

Первоначально большинство населения Византии поддерживало греко-православную партию, ибо оно имело свои счета с латинянами. Латинское завоевание вызвало дальнейшее усиление феодализма в Византии и ухудшило положение широких масс византийского крестьянства. Византийское купечество и ремесленники страдали от засилия иностранных, главным образом итальянских, торговцев, захвативших в свои руки почти всю византийскую торговлю. Но греко-православная партия не оправдала чаяний византийского народа, она не была национальной силой, способной сплотить народ на защиту своего государства от турецкого нашествия.

Появившееся в XV в. туркофильское течение нашло поддержку у широких масс византийского крестьянства и части торгово-ремесленных слоев. Это течение было рождено, с одной стороны, успехами турок и их политикой привлечения на свою сторону производительных классов византийского общества, с другой стороны — слабостью византийского государства, неспособностью византийских верхов принять меры к поднятию экономики страны, защитить свою национальную торговлю от иностранной конкуренции. Но, главным образом, туркофильское течение было вызвано тяжестью феодального гнета и разорением крестьянства, искавшего у турок улучшения своего положения. Классовый эгоизм правящих верхов Византии был главной причиной, вынуждавшей некоторые слои народа связывать надежды на свое освобождение с приходом турок.

Трагедия византийского государства состояла в том, что в нем не нашлось подлинно национальной силы, могущей повести народ на борьбу с внешним врагом. Правящие феодальные и церковные круги Византии не только не смогли сплотить народ в борьбе против иноземного нашествия, но оказались неспособными создать

единство даже в собственных рядах. В момент смертельной внешней опасности, когда настоятельно требовалась консолидация господствующего класса, он оказался расколотым на ряд враждующих партий, борьба которых, в конечном счете, послужила одной из причин падения Византии.

Партийная борьба, обострившаяся в XV в., как в фокусе, отразилась в деятельности и трудах вождя латинофильской партии, крупного политического деятеля, богослова и гуманиста Виссариона Никейского.

Источники, содержащие сведения о жизни и деятельности Виссариона, весьма обширны. Они исходят как от друзей и соратников Виссариона — греков-латинофилов (Михаил Апостолий,¹ Иосиф Мефонский,² анонимный автор „Acta Graeca“³) и итальянских гуманистов и церковных деятелей (Платина,⁴ Капраника,⁵ Кампани⁶ и др.), так и от его противников — деятелей православной партии (Сиропул,⁷ Марк Эфесский,⁸ Георгий Схолярый⁹ и др.).

Сам Виссарион, плодовитый писатель, оставил большое литературное наследство богословского, философского и политического характера.

Образ Виссариона, грека-униата, перешедшего затем в католичество, с давних пор служит предметом борьбы двух течений в историографии: католического, всячески прославляющего Виссариона за его переход в латинство [Бандини (Bandini),¹⁰ Раджи (Raggi),¹¹ Валентинелли (Valentinelli),¹² Гаке (Hacke),¹³ Васт (Vast),¹⁴ Рохолль (Rocholl)¹⁵ и др.], и православного, осуждающего Виссариона за его

¹ Migne. *Patrologia Graeca*, t. 161, p. CXXVII—CXI.

² Ibid., t. 159.

³ Mansi, t. XXXI.

⁴ Migne. *Op. cit.*, t. 161, p. CIII—CXVI.

⁵ N. Capranica. *Oratio funebris Bessarionis. Romae*, 1665.

⁶ Campani. *Opera. Lipsiae*, 1734.

⁷ S. Syropoulos. *Vera historia unionis non verae inter Graecos et Latinos sive concilii Florentini exactissima narratio*, ed. Greyghton, 1660.

⁸ Migne. *Op. cit.*, t. 159.

⁹ Ibid., t. 160.

¹⁰ A. Bandini. *De vita et rebus gestis Bessarionis cardinalis Nicaeni commentarius. Romae*, 1778.

¹¹ Raggi. *Commentario sulla vita del cardinale Bessarione. Roma*, 1847.

¹² Valentinelli. *Bibliotheca manuscripta ad Sancti Marci Venetiarum*, tt. I—VII, 1868.

¹³ Hacke. *Disputatio qua Bessarionis aetas, vita, merita, scripta exponuntur. Harlemi*, 1840.

¹⁴ H. Vast. *Le cardinal Bessarion. Paris*, 1878.

¹⁵ Rocholl. *Bessarion. — Studie zur Geschichte der Renaissance. Leipzig*, 1904.

ренегатство („История Флорентийского собора“,¹ Садов² и др.). Однако, несмотря на наличие обширной литературы, оценку этого виднейшего деятеля XV в. нельзя считать окончательно установленной. Подавляющее большинство исследователей подходит к Виссариону с конфессиональной точки зрения; главное внимание уделяется психологическому анализу самой личности Виссариона, религиозным и личным мотивам перехода Виссариона в католичество; дело обычно сводится к оценке нравственного облика знаменитого униата. Особое место в литературе занял вопрос о „трагедии“ Виссариона, пытавшегося примирить борьбу греческого и латинского религиозных начал. Таким образом, деятельность Виссариона берется изолированно, социальные и политические корни его программы остаются вне поля зрения исследователей.

Правильно понять деятельность Виссариона Никейского, активного участника религиозно-политической борьбы, можно лишь в связи с общей социально-политической обстановкой Византии XV в. Его деятельность определялась позицией той религиозно-политической партии, вождем которой он был.

Виссарион Никейский родился около 1403 г. в городе Трапезунте.³ По утверждению его биографа, современника Михаила Апостолия, „родители Виссариона не были знатного происхождения и отмечены почетом, но добывали себе на жизнь трудом рук своих“,⁴ однако они были достаточно состоятельны, чтобы дать своему сыну блестящее образование. Детство и раннюю юность Виссарион провел в родном городе, где и получил первоначальное образование под руководством Трапезунтского епископа Дорофея.

В дальнейшем Виссарион продолжал свое образование в Константинополе, в школе знаменитого ритора и грамматика Мануила Хрисокока,⁵ а затем в Мистре — центре Византийского „возрождения“ в школе известного философа-неоплатоника Гемиста Плифона. В этой школе Виссарион изучал математику, логику, этику, теологию и другие науки, в которых сделал блестящие успехи.⁶ Но главным его занятием было проникновение в „тайны философии“ — и прежде всего изучение философии Платона.

Пелопоннесский период был важным этапом жизни Виссариона. В эту полосу жизни он завершил свое образование и достиг

¹ История Флорентийского собора. М., 1847.

² А. Садов. Виссарион Никейский. СПб., 1883.

³ Migne. Patr. Graeca, t. 161, p. CIV.

⁴ Ibid., p. CXXXII.

⁵ Ibid., p. CXXXIII.

⁶ Ibid., pp. CV и CXXXIII.

высшего уровня тогдашних знаний. В это время сформировались в основном его философские и научные взгляды. Под влиянием Плифона он стал горячим приверженцем философии Платона и остался им до конца своих дней.

Усердно изучая науки, Виссарион занимался проповеднической деятельностью и одновременно начал свою политическую карьеру. Еще раньше, в начале 20-х годов, он постригся в монахи и с тех пор стал быстро продвигаться по иерархической лестнице — получил сан игумена одного из монастырей в Пелопоннесе, а затем достиг высокого сана архиепископа Никейского.

Еще в школе Хрисокока, а затем в Мистре Виссарион сделал первые шаги в сторону латинофильства, завязал связи с видными латинофилами (Константин Ласкарис, Иоанн Аргиропул и др.) и с итальянскими гуманистами (Франческо Филельфо и др.), получил доступ в придворные круги, приобрел известность благодаря своему ораторскому таланту и выступил на широкую арену политической деятельности. Переломным моментом в жизни Виссариона был Флорентийский собор и заключение Флорентийской унии. На Флорентийском соборе развернулась ожесточенная борьба внутри самой греческой делегации между латинофилами — сторонниками заключения унии и православными ортодоксами, ставившими своей целью срыв унии. Первоначально латинофилы были на соборе в меньшинстве и не выступали открыто за заключение унии ценой догматических уступок папству, но в дальнейшем, под влиянием ряда причин (известие о новом продвижении турок на Византию, подкуп со стороны папства, давление со стороны императора Иоанна Палеолога и др.), колеблющееся большинство греческой делегации перешло на сторону латинофилов. Латинофилы приобрели большое влияние на соборе и добились заключения унии. Немалую роль в этой борьбе сыграл Виссарион, который в ходе занятий собора приобрел большой авторитет среди латинофилов и постепенно сделался их признанным вождем. Но Флорентийская уния потерпела полный провал в Византии и не была принята ее населением.

Виссарион, один из главных поборников унии, был встречен на родине крайне враждебно. Видимо, он не слишком рьяно старался о проведении унии в Византии и очень скоро, убедившись в провале унии, навсегда покинул Византию и уехал в Италию, где перешел в католичество и стал кардиналом Римской церкви. Отныне грек-униат навсегда связал свою жизнь с Италией и папским престолом.

Как политический и церковный деятель Виссарион был крупнейшим представителем латинофильской партии и наиболее последовательным проводником ее политики; встретив непримиримую

оппозицию ортодоксально настроенного византийского духовенства и народных масс Византии, Виссарион сделал логические выводы из политики латинофилов — он перешел в католичество. Шаг этот был вполне закономерен: он показывает, куда объективно при сложившейся обстановке вела Византию партия латинофилов.

Потерпев полное фиаско в Византии, видные латинофилы вынуждены были эмигрировать. Виссарион первым из них бежал под крылышко папского престола и стал ренегатом, покинувшим родину и перешедшим в стан ее недругов. Многие буржуазные ученые Запада (Васт, Рохоль и др.) не только оправдывают ренегатство Виссариона, но и восхваляют его за переход в католичество и измену родине. Для историка-марксиста очевидно, что ренегатство Виссариона было логическим следствием политики латинофилов и свидетельством ее полного краха. Поступок Виссариона, как и всякое ренегатство, не имеет оправдания. Это ренегатство наложило тяжелый отпечаток на последующие годы его жизни, что и послужило для буржуазной историографии темой о трагедии вождя латинофилов. Трагедию эту видели в том, что Виссарион, став ренегатом, не перестал быть греком, что в его душе до конца жизни не прекращалась борьба между изменником и патриотом, и все это служило апологией Виссариона, искуплением его вины перед покинутым отечеством. Действительно, мы находим немало фактов, говорящих о том, что Виссарион признавал свою вину и пытался предпринимать шаги для облегчения участи своих соотечественников.

После падения Византии, он с неутомимой энергией посвятил себя делу организации крестового похода для освобождения Византии от турок. Немало сил, дипломатического таланта, энергии, золота вложил Виссарион в это обреченное на неудачу дело. И хотя он понял всю тщетность своих усилий, но все-таки он уже в глубокой старости отправился в свое последнее путешествие с целью еще раз попытаться склонить могущественного западного монарха — французского короля выступить против турок.

Став влиятельным лицом при папском дворе, располагая большими средствами, Виссарион не забывал своих соотечественников в тяжелую для них годину. Немало золота потратил он на выкуп греков из турецкого плена и на оказание помощи грекам, бежавшим в Италию после падения Константинополя.

Даже в своем внешнем облике и образе жизни Виссарион не порывал с традициями своей родины. Над входом в библиотеку св. Марка в Венеции, создателем которой он был, висит его портрет кисти ученика Джентилли Беллини — художника Корделла. Перед нами маститый старец в костюме греческого монаха.

Басилианского ордена, в широкополой шляпе поверх монашеского капюшона. Бросается в глаза длинная борода Виссариона, типичная для облика византийского духовенства, столь контрастирующая с бритым подбородком католических прелатов. По сообщению современников, Виссарион, несмотря на переход в католичество, носил длинную бороду, что требовало известной смелости от кардинала.

Но подобные факты, однако, ничего не меняют в объективном значении позиции Виссариона. До конца своей жизни он оставался изменником родины и это имело свои причины как политического, так и личного порядка. Что же толкнуло Виссариона на отступничество, на разрыв с родиной и своим народом? Этот вопрос волновал всех исследователей, внимание которых привлекала сложная и своеобразная фигура Виссариона.

Решая по-разному этот вопрос, в зависимости от своих политических и религиозных взглядов, большинство исследователей центр тяжести переносило на чисто психологические моменты, — моменты личного характера. Однако ренегатство Виссариона тесно связано с политикой латинофильской партии, главой которой он был. Потерпев поражение в борьбе за унию у себя на родине, латинофилы, связавшие свою судьбу с Западом, должны были искать там убежище, даже ценою ренегатства. Это ренегатство, как уже сказано, было логическим выводом и завершением их политики. Так именно поступил Виссарион, так поступили и другие.

Однако и в самой натуре Виссариона, в его характере было немало черт, побудивших его к этому. Одной из преобладающих черт, двигателем многих его поступков было огромное честолюбие. Оно толкало Виссариона на постоянную борьбу за власть, за авторитет. Для достижения своих честолюбивых целей порой он не считался со средствами. Проиграв игру в Византии, он сделал последнюю ставку на папство, надеясь этим открыть себе широкую дорогу к власти. Немалую роль в переходе Виссариона в католичество сыграли кардинальская шапка и заманчивые обещания курии. Ему не чужд был карьеризм; кроме того, как истый византиец, он обладал достаточной ловкостью и дипломатичностью, умением лавировать и приспособляться к обстоятельствам, что в значительной мере способствовало достижению им высокого положения в римской курии, за которое он крепко держался. Став на этот путь, Виссарион неуклонно придерживался раз избранной линии жизни и сделался верным служителем папского престола и его деятельным агентом. Шли годы, и Виссарион делался все более преданным сыном католической церкви, все дальше шел по пути католической ортодоксии. Однако сомнения в правильности своего

поступка, сознание ложности своего положения, как ренегата, оторвавшегося от родной почвы, чуждого латинянам и не могущего достигнуть высшей власти в Италии, видимо, не исчезали в душе Виссариона. Все его богословские труды, как, например, „Опровержение силлогических глав Марка Эфесского“,¹ „Апология надписей Векка против Паламы“,² „Письмо к Алексею Ласкарису Филантропину об исхождении св. духа“,³ и особенно его знаменитая „Энциклика к грекам“⁴ проникнуты упорным желанием оправдать перед соотечественниками свой переход в католичество, доказать во что бы то ни стало правоту католического учения, а следовательно, и правоту дела всей своей жизни. Эта настойчивость Виссариона, его упорство в стремлении обелить себя и отразить нападения своих противников кажутся даже подозрительными, свидетельствующими, может быть, о нечистой совести Виссариона, о его тяжелом душевном разладе. Даже на смертном одре Виссарион, по словам Николая Капраники, еще раз подтвердил искренность своего перехода в католичество, быть может, желая убедить самого себя в правильности своего отступничества.

Постоянная раздвоенность, тяжелая душевная борьба, сознание своей вины были, повидимому, уделом этого видного политического и церковного деятеля, последнего представителя гибнущего общества, на котором лежала печать всей сложности и противоречивости его времени.

Виссарион был не только политическим и церковным деятелем, но и крупным разносторонним ученым: теолог, философ, ритор. Правда, он не принадлежал к фигурам, сделавшим эпоху в науке, но по своей эрудиции, по широте и разнообразию своих научных интересов он стоял на уровне передовой научной мысли своего времени.

Наконец, Виссарион — крупный гуманист, которого можно поставить в один ряд со знаменитыми итальянскими гуманистами XV в.

Здесь мы должны вспомнить слова Лоренцо Валла „*Latino-graecissimus, Graecorum Latinissimus*“. В Виссарионе-ученом особенно ярко сказалось сочетание греческого и латинского элементов. Это — фигура, принадлежавшая двум мирам: греческому Востоку и католическому Западу. По своему образованию в школах Хрисокока и Плифона, по своим научным интересам и симпатиям Виссарион был ученым-греком, представителем византийского гуманизма. Гуманистическое влияние Мистры, как искра Прометея

¹ Migne. Patr. Graeca, t. 161, pp. 137—244.

² Ibid., p. 244—310.

³ Ibid., pp. 321—407.

⁴ Ibid., pp. 450—490.

огня, осталось в душе Виссариона на всю жизнь. Любовь к греческой культуре, преклонение перед Платоном и другими представителями греческого гения, широкое знание греческой литературы и науки ставили Виссариона в первые ряды образованных людей византийского общества. Свою любовь к греческой культуре Виссарион сохранил на всю жизнь; уже в бытность свою в Италии, будучи влиятельным кардиналом-меценатом, он окружил себя учеными греками (Федор Газа, Георгий Трапезунтский, Михаил Апостолый, Андроник Каллист и др.), оказывая им помощь и покровительство. Он всячески поощрял работу над переводами греческих авторов, сам немало отдавал сил и внимания переводам Аристотеля, Ксенофонта, Демосфена. Страстный любитель книг, он с особенной заботливостью выискивал и собирал греческие рукописи. После падения Константинополя Виссарион стремился спасти произведения греческой культуры и тратил большие средства на приобретение греческих книг, произведений искусства и т. п. В своей гуманистической деятельности он неумоимо стремился к распространению влияния греческой культуры и греческого языка в Италии, делая центром византийской образованности свою „Академию“. В его собственных научных (как богословских, так и философских) трудах мы всегда видим ученого-византийца. По своему стилю, по обилию цитат из произведений как восточных отцов церкви, так и греческих ученых и философов, по метафорам и сравнениям, которые он широко черпал из греческой литературы и мифологии, перед нами широко образованный ученый-грек. Библиотека Виссариона, его любимое детище — тоже молчаливый памятник любви Виссариона к византийской культуре; греческие книги там значительно преобладали над латинскими, и даже тот факт, что Виссарион завещал свою библиотеку Венеции, городу, теснее всего связанному с Византией, где было сильно влияние византийской культуры, где доступ к сокровищам его библиотеки был бы открыт жившим там многочисленным грекам-эмигрантам, свидетельствует о его постоянном тяготении к культуре своей родины.

Однако Виссарион-ученый принадлежал культуре не только византийского Востока, но и латинского Запада. Еще во время первого своего приезда в Италию на Флорентийский собор Виссарион приобщился к западной культуре и завязал знакомства с итальянскими гуманистами. В дальнейшем, связав свою жизнь с Западом и католической церковью, переехав окончательно в Италию и овладев латинским языком, Виссарион тщательно занялся изучением западной науки и литературы, а затем принял активное участие в гуманистическом движении в Италии. И ученый

грек занял выдающееся место среди итальянских гуманистов, пользуясь среди них известностью и уважением. Виссарион сделал ряд ценных переводов греческих авторов и своих собственных трудов на латинский язык, а впоследствии даже написал несколько произведений (в частности, философских сочинений) на латинском языке. В своих более поздних богословских и философских трудах он обнаруживает глубокое знакомство с западной патристической и ученой литературой. Таким образом, Виссарион не только усвоил культуру латинского Запада, но и принял деятельное участие в итальянском гуманистическом движении, сыграв в нем немалую роль.

Однако место, которое занимал Виссарион в итальянском обществе, как представитель высшего католического духовенства, его политическая позиция и ложность его положения, как грека-рenegата, тяготели над ним, как ученым-гуманистом. В его деятельности в Италии сочетались гуманизм с католической ортодоксальностью, боролись ученый-гуманист и кардинал, и часто политические соображения брали верх, заставляя, например, Виссариона быть крайне осторожным в выражении своих симпатий к философии Платона из опасения вызвать недовольство курии и тем повредить своему положению.

Но все же деятельность Виссариона, как ученого-гуманиста, — доказательство того, что в истории гуманизма греческая мысль сыграла выдающуюся роль и что гуманизм не есть только чисто западное явление. Фигура Виссариона является как бы символом культурного общения византийского Востока и латинского Запада в эпоху гуманизма. Но Виссарион был прежде всего крупным политическим деятелем, главой латинофильской партии, открыто перешедшим в католичество. Поэтому немудрено, что Виссарион являлся предметом ожесточенной борьбы двух течений в буржуазной историографии, яблоком раздора между православными и католическими учеными. Каждое из этих течений стремилось, упрощая образ Виссариона, выделить и подчеркнуть какую-либо одну из сторон его сложной натуры, делая его орудием в борьбе со своими противниками.

Задача историка-марксиста — показать всю сложность и противоречивость личности этого выдающегося политического деятеля и ученого, отразившей чрезвычайно сложную и противоречивую обстановку бурного времени, в которое жил Виссарион, времени гибели одного из старейших и культурнейших государств — Византии.